

РАССКАЗЫ О РЫЛЕЕВЕ РАССЫЛЬНОГО «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Публикация Ю. Г. Оксмана

Рассказы рассыльного «Полярной звезды» о Рылееве дошли до нас в записи историка М. И. Семевского, редактора «Русской старины»¹. Много работая над собиранием и публикацией материалов о декабристах, Семевский был и лично знаком с некоторыми из декабристов. Эти знакомства молодой историк использовал для уточнения деталей событий 14 декабря, для уяснения живых образов вождей и рядовых участников восстания, для получения конкретных сведений об условиях их тюремного и каторжного быта.

Ответы на специальные вопросы, которые ставил Семевский в своих беседах и переписке с декабристами, иногда превращались в ценнейшие мемуарные памятники. Таково, например, происхождение воспоминаний М. А. Бестужева «Мои тюрьмы» и всех подготовительных материалов к ним². Большой интерес для исследователей движения декабристов представляют не только документальные и мемуарные публикации Семевского, но и черновые записи его бесед с декабристами или о декабристах, извлеченные из его архива советскими историками. Таковы, например, записи бесед Семевского с М. А. Бестужевым о 14 декабря, об обстановке следствия и суда, о жизни декабристов в Сибири; не менее интересна его же передача бесед с Е. А. Бестужевой о ее братьях³. Все эти записи точно датированы самим Семевским июнем и июлем 1869 г. К несколько более позднему времени относятся его неизданные записи рассказов рассыльного «Полярной звезды» о Рылееве.

Записи рассказов Агапа Ивановича сохранились в бумагах Семевского в трех редакциях. Первая из них исчерпывается беглыми, конспективными заметками о самом Агапе Ивановиче и о его отношениях к Рылееву. Эти заметки сохранились, видимо, неполностью; но заключительная их часть, посвященная 14 декабря и братьям Бестужевым, имеет дату: 9 декабря 1871 г. К обработке этих материалов Семевский обратился, вероятно, в том же году, вновь опросив Агапа Ивановича и существенно расширив начальные конспективные заметки, сделанные с его слов при первой встрече. Эта вторая редакция записей была еще раз дополнена и частично переработана (новая правка, сделанная карандашом, резко выделяется в тексте рукописи, писанной чернилами). Третья редакция записей датируется началом 1872 г., ибо в двух первых возраст Агапа Ивановича точно обозначен «71 год», а в третьей эта цифра заменена на «72 года», равно как и в справке о его женитьбе (в строке «женат с небольшим десять только лет» — «десять» заменено на «одиннадцать»). Во второй редакции записей появляется и заголовок: «Рассказ дворового Агапа Ивановича». Этот заголовок заменяется затем более точным: «Рассказ бывшего слуги К. Ф. Рылеева».

Не превращая своих записей в точный рассказ, Семевский хорошо понимал, что историческая ценность вводимого им в научный оборот материала определяется прежде всего личностью самого рассказчика. В первый и в последний раз в мемуарных документах литературный и домашний быт Рылеева изображался выходцем из крепостных низов, оброчным крестьянином, работавшим по найму в «Полярной звезде». Именно эта специфика материала обусловила необходимость сохранения

при его обработке некоторых характерных особенностей живой речи рассказчика («Они были директоры», «Когда запрется с коллектурами — не мешай», «Кондратий Федорович весь азиатский язык, и американский, и все языки знал», «Шленину», вместо «Сленину» и т. п.). Нам известна только одна литературно-историческая параллель к рассказам Агапа Ивановича — это воспоминания старика Миная, рассыльного типографии, в которой печатался «Современник». Рассказы Миная увековечены Некрасовым в 1859 г. в знаменитом стихотворном фельетоне «О погоде»:

«Чай, и счет потерял в литераторах!
 Коих помню — пожалуй, скажу.
 При царице, при трех императорах
 К ним ходил... при четвертом хожу:
 Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
 У Воейкова долго служил,
 В Шепелевском сыпал у Жуковского,
 И у Пушкина в Царском гостил.
 Походил я к Василью Андреичу,
 Да гроша у него не видал,
 Не чета Александру Сергеечу —
 Тот частенько на водку давал.
 Да зато попрекал всё цензурою:
 Если красные встретит кресты,
 Так и пустит в тебя корректурою:
 Убирайся, мол ты!
 Глядя, как человек убивается,
 Раз я молвил: сойдет-де и так!
 — Это кровь, говорит, проливается, —
 Кровь моя — ты дурак!»⁴.

И особенности социального положения рассказчика, и круг его наблюдений, и точка зрения на происходящее, и самый язык — все это необычайно роднит Некрасовского Миная, вспоминающего Пушкина, с Агапом Ивановичем, передающим свои впечатления от Рылеева в его домашнем быту.

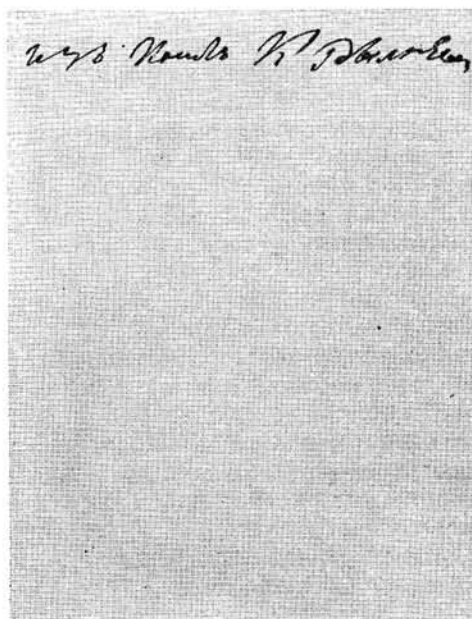
Семевский не сообщил фамилии Агапа Ивановича. Не удалось установить ее и нам, поскольку ни в каких материалах о Рылееве и его окружении ни имя, ни фамилия рассыльного «Полярной звезды» не упоминается ни разу.

Положив в основу настоящей публикации рассказов Агапа Ивановича последнюю их редакцию как наиболее богатую фактами, проверенными Семевским (путем дополнительных вопросов, обращенных к рассказчику), мы учитывали предшествующие варианты записей лишь в тех редких случаях, когда позднейшая правка имела целью не уточнение рассказа, а его литературную обработку. В нашу задачу ни в какой мере не входит изучение процесса работы Семевского над рассказами Агапа Ивановича. Поэтому мы не воспроизводим ни сменяющихся вариантов основного текста, ни недописанных строк и слов, ни явных обмолвок. Почти полностью пришлось нам отказаться от воспроизведения и заключительных страниц Семевского, посвященных рассказам Агапа Ивановича о друзьях и единомышленниках Рылеева. Эта часть записей, изобилующая с начала и до конца ошибками, в одних случаях выправлена Семевским самостоятельно, в других — под диктовку рассказчика.

Разумеется, Агап Иванович не мог хорошо запомнить и правильно через пятьдесят лет повторить имена и фамилии всех друзей Рылеева. Он явно путает Каховского с Якубовичем, говорит не об Одоевском и Оболенском, а о двух «братьях Одоевских» — Александре и Петре; он даже утверждает, что «из бывавших» у Рылеева помнит «самого А. С. Пушкина». К числу подобных же ошибок относится указание рассказчика на его службу у Рылеева в течение четырех лет, в то время как в действительности он работал у него лишь около пятнадцати месяцев.

Обычно Семевский исправлял рассказчика «на ходу», но при этом и сам подчас

делал новые ошибки. Так, например, он произвольно разделил образ Каховского, данный Агапом Ивановичем, на два: известная повязка на голове от раны, высокий рост и худоба отнесены им к Якубовичу, но при этом почему-то у Каховского остался возраст Якубовича («лет 35» или «40», в то время как Каховскому было в это время лет 27—28). Не поняв, что Агап Иванович превратил, вероятно, Евгения Петровича Оболенского в брата А. И. Одоевского и назвал его при этом Петром, Семевский заменил мифического «Петра Одоевского» столь же невероятным «Дмитрием Петровичем Одоевским» и превратил его в «одного из коротких друзей Рылеева». С такой же легкостью Семевский зачеркнул имя А. С. Пушкина, заменив поэта обер-штаб-мейстером В. В. Мусиным-Пушкиным, ничего общего не имевшим никогда ни с Рылеевым, ни с его окружением. Все эти ошибки и обмолвки его относятся, однако, к дополнительным записям Семевского, а не к основной их части.

«СОЧИНЕНИЯ В. А. ОЗЕРОВА», ИЗД. 1816 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ
РЫЛЕЕВА

Литературный музей, Москва

Рассказы Агапа Ивановича о самом Рылееве и о его быте очень точны, наблюдения — свежи и непосредственны, заключения — метки и оригинальны. Многие из фактов, отмеченных Агапом Ивановичем в его беседах с Семевским, были подтверждены позднейшими находками архивных документов и продолжают подтверждаться публикациями самых последних лет (см. примечания на стр. 256). Все это заставляет нас с большим вниманием отнестись и к тем сведениям, сообщенным Агапом Ивановичем, о которых в литературе до сих пор не было никаких упоминаний.

«РАССКАЗЫ О РЫЛЕЕВЕ РАССЫЛЬНОГО «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Случай свел нас недавно с Агапом Ивановичем. Это еще крепкий бодрый старик 71 года, так что на вид ему можно дать разве с небольшим 50 лет. Женат с небольшим десять только лет и поныне еще находится в услужении.

«Родом я из Великих Лук, — рассказывал Агап Иванович, — отец мой был крепостным Филимонова, который потом, бывши уже генералом, убит в Польскую кампанию 1831 года⁵. За услуги отца г. Филимонов позволил ему отдать меня в учение, а потом я служил у разных господ, платя барину оброк по 120 рублей асс. в год. Служил я сначала у Брискорна, потом у Сенявина. От него, Сенявина, отошел, так как он любил давать волю рукам. [Затем поступил к архитектору Висконти.] В июле или августе, в тот год, как было наводнение, поступил я к Кондратию Федоровичу Рылееву⁶.

Кондратий Федорович жил у Сивего моста, в доме Северо-Американской компании, занимаясь ее делами. Жалованья получал он от Компании 1400 рублей асс., но жил более для квартиры — ему давали хорошую квартиру <...> Прокофьев и Северин никаких языков не знали, они были директоры Компании <...>⁷, а К<ондратий> Ф<едорович> и французский, и немецкий, и весь азиатский язык, и американский, и все языки знал <...>

Квартира у нас была большая, мебель в двух комнатах от Егорова, придворного столяра, а в прочих — похуже. До наводнения еще пишто было, нарядно, а после наводнения плохо; ведь нонче щегольская мебель — зато и ломается, вся распускается она <...>

Рылеев не любил крепостной прислуги и в доме его была только одна горничная из дворовых жены. Нянька была тоже наемная. Женатых людей он отпускал по паспортам <...> Имел он пару лошадей и наемного кучера <...>⁸

Любил Кондратий Федорович заниматься хозяйством, держал при доме корову, а в последнее время у него была даже свинья <...>

Помню, как в наводнение мы лошадей перевели в присутственное место в верхнем этаже. Лошади пошли охотно, но с коровой было много хлопот.

С прислугой он был очень добр, не бранился, не дрался. Все молчит, редко что и спросит; правду любил — возьми, что хочешь, только скажи; ложится спать — тут ему говори, а вот утро — не ходи; когда запрется с колектурами — не мешай. В обращении прост и охотник прислушиваться на улице к народным речам. Бывало подслушает какое слово и, как воротится домой, запишет его на бумаге. Говорил всегда тихо и вежливо, но горячился в спорах и с книгопродавцами при неплатеже.

Росту он был высокого, не худ; на вид, в последнее время, около 30 лет; носил бакенбарды черные, узенькие, как занузанные поводья; усы не носил, тогда мало усы носили *. Из портретов его я знал рисованный с него Уткиным, красками. Куда девался портрет, не знаю, но написан портрет хорошо, в пояс; еще какой-то из Дерпату приходил, рисовал. Был еще портрет, писанный на кости⁹.

Жена Рыльева была тоже высокая ростом, смугла, худенькая, не из богатой фамилии. Жила она с дочкой, по большей части, за Петергофом, в Утайце, небольшом имении мужа (перешло подарком или по купчей от Мамютиной)¹⁰. Когда жена бывала в Петербурге, то к ней ездили из дам: Мамютины, Бестужева-старуха с некрасивыми дочерьми, Черновы (две сестры были). Рыльева была как-то нелюдима и уклонялась от знакомств, а дочь очень хороша была, совсем на него похожа, очень хорошенькая.

Рылеев казался холоден к семье, не любил, чтоб его отрывали от занятий, и, предаваясь делу, он часто жену и дочь отсылал от себя. То же делал, когда к нему приходил кто-нибудь.

В большом кабинете его (во всей квартире 8 комнат, кроме кухни; кабинет на двор выходил) были разложены три доски, обтянутые холстом. На них раскладывались разные бумаги, колектуры и книги нужные.

* В первой редакции записано: Рылеев был дозголицый. Бакенбарды подвивал. Прежде все этак подпекали щипцами.

И тут К. Ф. занимался стоя, большею частью по ночам (днем ему некогда — то в коллегии, то к цензору, то к наборщикам). Переходя по длине доски к расположенной на ней работе, он затруднялся переставлять свечу. Для этого над доскою вдоль ее протянута была проволока, по которой двигался подсвечник. От него другая проволока прикреплялась к поясу К. Ф., и, таким образом, свечка двигалась по проволоке вслед за ним. За работою он обыкновенно пил воду через сахар с лимоном. Кружка самая простая была. Вино вообще употреблял неохотно. В карты играл мало, я и не видал его, чтоб играл <...>

Рылеев с Александром Бестужевым издавали тогда «Полярную звезду», которая давала хороший доход <...> Между тем все более ценные и жалованные вещи были заложены в ломбарде <...>

Исполняя обязанности рассыльного, за что получал по 15 р. асс. в месяц, я носил коллекции и сдавал книги книгопродавцам: Гаврилову, Заикину, Шленину. Присманные квитанции их были у меня и по этим квитанциям приходилось получать с книгопродавцев до 11 тысяч. Записные книжки — что и с какого числа сдал — все у меня были, даже оборотная бумага — и та на квитанции.

Александр Бестужев, хотя и имел квартиру у Юсупова сада как адъютант принца «Вюртембергского», но по большей части находился у нас и работал вместе с К^{он}дратием Ф^едоровичем Молодцеватым из себя был, красивый <...> У Р^ылесева голос мягче, и все сильно с усмешечкой говорил, а у Бестужева поглубже. У Бестужева была привычка складывать при работе ноги на стул, так что приходившие иногда, из шутки, роняли его, опрокидывая стул сзади. Особливо же Михаил Александрович «Бестужев» придет — шутки были. Николай Александрович был строгий из себя <...>

Сомов (тут же во дворе жил) часто переписывал для них обоих. Добрый был, румяный, простая душа, простак¹¹. Ростовцев тоже раньше участвовал с ними в работе и был с ними дружен. «Однажды» Ростовцев принес что-то; Рылеев исправил, заплатил, а Ростовцев <...> передал Булгарину с Гречем. Рылеев и поссорился с ним¹². Булгарина почему-то не любили и передразнивали его слова, выговариваемые на польский лад. Бывало как Рылеев рассердится, начнет по-польски с ним ругаться. Греч и начнет их улаживать, — был <он> обходителен, высок, сутуловат немножко. Греч больше молчал и смеялся, но имел привычку заглядывать в работы. Потому, при входе его в комнаты, писанные бумаги всегда перевертывались белой стороной.

Александр и Николай Бестужевы, Аладьин¹³, а также два брата, Александр и Петр Одоевские¹⁴, были короткими друзьями Рылеева <...>

Булгарина Кондратий Федорович часто гонял: «Ты не Пчелу, а Клопа издаешь»¹⁵.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Архив «Русской старины». ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, № 60.

² Бестужевы, стр. 51—124.

³ Там же, стр. 387—399 и 400—417.

⁴ Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. II. М. — Л., 1948, стр. 69.

⁵ В первой редакции записей рассказов Агапа Ивановича значилось: «Родился» в Тульской губ., Крапивинского уезда, с. Водурчи, генерала Филимонова. Увезли в Луки в 1814 г.». На полях второй редакции отметка: «В Тульской губ., от Тулы 17 в^{ерст}», по киеской дороге, село Бабурино».

⁶ Дата поступления Агапа Ивановича на службу к Рылееву в его рассказах указана весьма неопределенно. В начальном записи Семевского эта дата вовсе отсутствовала, а во второй редакции отмечалось: «В 1818 или 1819 году я поступил к Кондратию Федоровичу Рылееву и при нем и семействе его находился года с четыре».

Эти строки Семевский зачеркнул, разъяснив: «Старик, видимо, ошибался в числе лет службы своей у Рыльева или во времени поступления своего к Рылбеву. Надо думать, что он поступил к нему несколько позднее». Окончательная редакция этих строк явно была показана рассказчику самим Семевским.

⁷ И. В. Прокофьев и А. И. Северин — директора Российско-Американской компании. Об отношении к ним Рыльева см. сводку материалов в книге: С. Б. О к у н ь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, стр. 103—109.

⁸ Кучер Петр исполнял, видимо, некоторые обязанности по обслуживанию всей квартиры; так, в письме П. Г. Каховского к В. В. Левашеву от 21 декабря 1825 г. отмечалось, что Петр, слуга Рыльева, должен точно знать всех его посетителей (ВД, т. I, стр. 341).

⁹ Данные Агапа Ивановича вносят существенные дополнения в специальную литературу о портретах Рыльева, критический обзор которой см. в книге: А. С. Пушкин и его литературное окружение. Ред. и вступ. статья И. С. Зильберштейна. М., 1938, стр. 30—32.

¹⁰ Деревушка Рыльева называлась не «Утайцы», а Батово, и находилась она, действительно, за Петергофом, в 30 километрах от Петербурга. Именье это не являлось родовой усадьбой, а, как правильно отмечает Агап Иванович, перешло к матери Рыльева по купчей крепости от генерал-майора П. Ф. Малютина, в 1780 г. Можно думать, что эта купчая была фиктивной, поскольку мать поэта обычно называла Батово «Петродаром», а самого Малютина, своего дальнего родственника, благодетелем и другом, который дал ей кусок хлеба (В. Нечаев. Батово, усадьба Рыльева — «Звенья», IX, 1951, стр. 195—196).

¹¹ Об О. М. Сомове — см. стр. 199 настоящего тома.

¹² Яков Иванович Ростовцев (1803—1860) — поручик лейб-гвардии егерского полка, причастный к литературной деятельности, сотрудник «Невского зрителя», «Сына отечества», «Благонамеренного»; член Северного общества с осени 1825 г. За два дня до восстания 14 декабря обратился к Николаю I с письмом, в котором открывал существование заговора в войсках гвардии. История предательства Ростовцева освещена в комментариях М. К. Азадовского к изд.: Бестужевы, стр. 688—689. Судя по рассказам Агапа Ивановича, литературный разрыв Рыльева с Ростовцевым предшествовал политическому.

О встречах Рыльева с И. И. Ростовцевым «около половины ноября» 1825 г. — см. выше, стр. 234. Об этом же свидетельствуют и воспоминания самого Ростовцева о его спорах «в последних числах ноября» 1825 г. с Рылбевым и Е. П. Оболенским из-за якобы неправильной трактовки ими героя его трагедии «Князь Пожарский» («Русский архив», 1873, кн. 1, стр. 460).

¹³ Егор Васильевич Аладьин (1792—1860) — литератор, издатель «Невского альманаха» (с 1825 по 1833). О нем см. карандашную отметку на полях второй редакции записей рассказов Агапа Ивановича: «Аладь(ин) получал от них тоже 7-ю или 9-ю часть доходов с „Полярной звезды“». О его связях с семьей Бестужевых и после 14 декабря см. Бестужевы, стр. 497.

Об Аладьине и его «Невском альманахе» — см. прощический отзыв Рыльева в письме к Виземскому от 20 февраля 1825 г. (стр. 145).

¹⁴ Петр Одоевский — это, вероятно, Евгений Петрович Оболенский, один из ближайших друзей и единомышленников Рыльева в 1824—1825 гг. (см. об этой обмолвке стр. 252).

¹⁵ Эти строки сохранились среди дополнительных записей Семевского со слов Агапа Ивановича. Для характеристики отношения редакторов «Полярной звезды» к Булгаину и Гречу очень существенно позднее свидетельство А. А. Бестужева в его письме к К. А. Полевою: «С Гречем и Булгариным я был приятелем; но если бы Вы знали, как я резал их продажность. Это был вечный припев моих шуток, особенно над Булгариным, — и он, точно, был с этой стороны смешон до комического» («Русский вестник», 1861, № 3, стр. 331—333).